

УДК 778.5

DOI: 10.24412/2618-9313-2021-417-17-21

«Смирнова против Смирновой». Воспоминания режиссера Семена Туманова-Цейтлина

ГОЛУБЕВ А. Б. ПОДГОТОВКА, ПУБЛИКАЦИЯ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ORCID ID 0000-0001-7917-4393

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Creative Commons License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Аннотация

Публикация вводит в научный оборот ценный исторический материал — воспоминания режиссера Семена Туманова-Цейтлина о работе над фильмом «Заблудший». Исполнительница главной женской роли Лидия Смирнова осваивает новое в ее профессиональной карьере амплуа простой деревенской женщины, прошедшей через годы Великой отечественной войны.

Ключевые слова

Лидия Смирнова, Семен Туманов-Цейтлин, советское кино, кино СССР, ЦСДФ, Музей ЦСДФ, мемуары

UDC 778.5

“Smirnova vs. Smirnova.” Memoirs of Director Semyon Tumanov-Zeitlin

GOLUBEV A. B. EDITING, PUBLICATION, INTRODUCTION

Abstract

The publication introduces into scientific discourse a valuable historical source — Soviet director Semyon Tumanov-Zeitlin’s memoirs of his work on the film *Zabludschiy* [The Lost One]. The actress Lydia Smirnova who performs the main female role is mastering a new line of character in her career as an ordinary village woman who lived through the hardships of the Second World War.

Keywords

Lydia Smirnova, Semyon Tumanov-Zeitlin, Soviet cinema, cinema of the USSR, CSDF, CSDF Museum, memoirs

В далеком 1960 г. в журнале «Наш современник» был опубликован рассказ малоизвестного пермского писателя Ю. Петухова «Заблудший». Это произведение очень понравилось актрисе Л. Смирновой, которая показала его Н. Крючкову. Знаменитый актер был в восторге от рассказа и обратился к руководству «Мосфильма» с просьбой непременно его экранизировать. В 1966 г. фильм такой сняли. Главные роли сыграли инициаторы экранизации — Н. Крючков и Л. Смирнова. Режиссером-постановщиком выступил С. Туманов-Цейтлин, к тому времени уже известный мастер, создавший такие популярные ленты, как «Ко мне, Мухтар!» и «Алешкина любовь».

Первоначально фильм (под названием «Гнезда») был показан по Центральному телевидению, а через год он вышел во всесоюзный кинопрокат. В этот раз он демонстрировался под названием «Заблудший». Кинокартина имела большой зрительский успех, что стало неожиданностью для ее создателей. По воспоминаниям современников, разговоры и стихийные споры о ней можно было услышать буквально везде — на улице и в транспорте, дома и на работе, в магазинах и очередях. В те дни главные герои фильма Евсей и Пелагея оказались в центре внимания огромной зрительской аудитории. Многие воспринимали эту мелодраматическую историю как абсолютно реальную, которая не разыгрывалась актерами на экране, а происходила как бы наяву. Такова великая сила искусства!

В основе фильма — сугубо личная история взаимоотношения двух немолодых людей, причем в нем отсутствуют многие стереотипы и оценки, характерные для официальной идеологии тех лет. О чем же рассказывала эта кинолента? Вернувшись с фронта, плотник Евсей (Н. Крючков), не захотел остаться в родном колхозе и, бросив жену и детей, отправился в город. Там он сошелся с буфетчицей Нюрой (К. Лучко), которая значительно младше его. У новой жены непростой характер и в какой-то момент Евсей начинает тосковать по родной деревне и бывшей семье. На железнодорожной станции он случайно встречает взрослого сына, и эта встреча приводит его к мысли восстановить отношения с первой женой и детьми. Пелагее непросто простить бывшего мужа, простить его очевидное предательство. Тем не менее, женщине удается преодолеть чувство обиды, смирить свой гордый нрав. Происходит это постепенно, не сразу, с оглядкой на общих детей. Однако на этом история ее бед и испытаний не заканчивается. Вскоре Евсей узнает, что Нюра попала в тюрьму за растрату, и без материнской заботы остались двое их маленьких детей. Он привозит малышей в родную деревню. Чувство вины не позволяет ему идти к Пелагее, однако бывшая жена уже все для себя решила — она забирает детей и ведет их в свой дом. Так финал фильма становится одновременно и его кульминацией.

Картина держится на игре двух замечательных актеров, однако последнюю сцену Смирнова и Крючков проводят на невероятно высоком уровне, причем делают это так, что в зрительном зале равнодушных практически не остается. Казалось бы, скромный камерный фильм, незамысловатая мелодрама, однако Крючков и Смирнова нашли в этой истории и человеческих судьбах нечто такое, что позволило им в полной мере раскрыть свой огромный актерский талант. По мнению режиссера

С. Туманова-Цейтлина, самым сложным рабочим моментом было мучительное «вхождение» Л. Смирновой (признанной красавицы и одной из главных модниц советского кино) в образ простой деревенской женщины. Как это происходило, он описал в своих воспоминаниях, которые до настоящего времени оставались неопубликованными.

<<Смирнова против Смирновой>>

Воспоминания режиссера Семена Туманова-Цейтлина>

Мне пришлось стать свидетелем чрезвычайно интересного конфликта — «Смирнова против Смирновой». В нем отразилось многое, на мой взгляд, любопытное для понимания сути актера как такового и Лидии Николаевны Смирновой в частности. Это был первый и последний раз, когда мне пришлось встретиться с ней в работе. И я надолго запомнил этот «эпизод».

Случился он на фильме «Заблудший». Все с этой картиной — кстати, телевизионной, а делалось их тогда, в шестьдесят шестом году, еще мало, и что такое «телефильм», никто толком не знал — шло очень трудно. И до самого конца было неясно, что из всего этого получится.

Самое необычное было то, что на сей раз не режиссер искал актера, а актер нашел и автора, и режиссера. Случай почти уникальный для нашего кино! И, тем не менее, Лидия Николаевна в каком-то журнале отыскала рассказ никому тогда не известного Юрия Петухова. И буквально загорелась идеей воплотить эту историю на экране. Она «нашла» Николая Крючкова. А они уже оба «нашли» режиссера — того самого, который сейчас пишет эти строки.

Я вот так просто говорю все эти слова — «нашла», «никому не известный» и т. д., и т. п. А между тем только человек, причастный к кинематографу, и даже более того, варящийся в нем не первый год, смог бы понять и оценить, что это такое — «пробить» в кино «никому не известного» автора. Поистине это могла сделать только Лидия Николаевна с ее неукротимой энергией и невероятной активностью, которым я удивляюсь по сию пору!

Как сейчас помню Юрия Петухова, его полную растерянность, и видно от этой растерянности полную готовность по первому же требованию первого же редактора что-то переделать, переписать, переиначить, переосмыслить. Одним словом, внести любые изменения в сценарий, не задумываясь об их целесообразности. Помню совершенно нелепое начало сценария, которое вдруг однажды возникло из непонятно откуда — бескрайнее поле, сын Пелагеи пашет на тракторе, к нему бежит мать, держа в руках повестку о призыве в армию. Спрашиваю: «Что это такое?» Оказывается, кто-то сказал, что нужно сделать именно так...

Завершилось все это весьма печально — не выдержав натиска всех «пере», вконец измученный автор оставляет нам рассказ и все варианты сценария, где так и не прописан финал, и уезжает неведомо куда. Как я понимаю, это была его первая и последняя встреча с кинематографом.

Теперь представьте себе наше положение. Рассказываю я это все только для того, чтобы подчеркнуть — в том, что фильм «Заблудший» все-таки появился на экране, в первую очередь заслуга актрисы Лидии Смирновой. Скажу прямо — никогда до этого мне не приходилось встречать такой увлеченности, я бы сказал, одержимости актера своим замыслом и такой совершенно неженской решимости осуществить этот замысел.

Однако же, от всей этой предыстории вернемся к самой истории — «Смирнова против Смирновой». Когда возникла моя кандидатура в качестве режиссера, я прочитал рассказ и сценарий, и, признаться, мной овладело некоторое смущение. Я знал, что героиню хочет играть Смирнова. Героиню, женщину, может быть, и не такую старую, даже со следами бывлой красоты, но такую измученную тяжелой жизнью, битую-перебитую несчастьями, которая по жизни всю себя отдает другим, взамен не получая ничего.

А что я знал об актрисе Смирновой? Что это яркая, броская, темпераментная героиня многих и многих любимых кинозрителями лент — Шуручка в «Моей любви», Варя в «Парне из нашего города»... Мне припоминалось, что у нее и «колхозные» героини были — но были они какие-то победительные, задорные, лукавые и в чем-то основном, в самом главном были похожи на саму Лидию Николаевну.

Лично я тогда с актрисой знаком не был. И вот, когда это знакомство состоялось, и в комнату вошла достаточно молодая, обаятельная, модно и как-то очень со вкусом одетая женщина (причем без единой морщинки), тут я уже окончательно растерялся. Эта женщина — Пелагея? Та самая Пелагея, которую я вижу в черном платке, и со стороны кажется, что она его годами не снимала с поседевшей раньше времени головы? Конечно, актриса может сыграть все. Но — сыграть! Здесь же нужно было нечто другое.

Начиналась наша совместная работа. Еще что-то утрясалось, что-то утверждалось, что-то пробивалось, Николай Афанасьевич Крючков был в отъезде, когда Лидия Николаевна однажды как бы мимоходом сказала мне: «Хорошо бы нам порепетировать». Известно, что такое у нас в кино репетиция, но здесь было нечто другое. Тем более не могу не сказать, что я пришел из театра, точнее из Московского драматического театра имени Станиславского, был и на всю жизнь остаюсь приверженцем его системы, и для меня всегда и в театре, и в кино актер — это главное. И здесь мы с Лидией Николаевной сразу же нашли общий язык.

Началось все с каких-то разговоров. Словно бы случайных. Это еще по большому счету не были репетиции. Мы со Смирновой просто говорили о Пелагее, шла какая-то «притирка» к роли — как она на стол подает, как детей спать укладывает, как пол подметает, стирает, за коровой ходит. Или вдруг неожиданное предложение Смирновой: «Хорошо, чтобы она еще и хлеб пекла...» Я только потом понял — это были не просто разговоры, Лидия Николаевна «провоцировала» меня, а я и не заметил, как разговоры перешли в репетиции.

Где-то в сентябре мы уехали на природу, под Истру. Снимали, как водится, проходы, проезды, наезды. Одновременно все еще продолжалась «притирка» к роли. И здесь Лидия Николаевна придумала следующее — мы все жили в доме отдыха, а она взяла и поселилась в избе у одной местной крестьянки. Что там происходило — только им двоим ведомо, я же думаю, она не просто наблюдала жизнь этой женщины. Наблюдение — это какой-то взгляд извне, снаружи, со стороны. Человек, за которым наблюдают, мгновенно чувствует это и сжимается, перестает быть естественным. Так вот, Смирнова не наблюдала, а скорее всего, просто жила жизнью этой женщины — так я думаю. Вместе с ней вставала, убирала избу, выгоняла корову, давала корм птице и всякой скотине, накрывала на стол, ходила за детьми. То есть старалась максимально «врасти» в эту

однообразную деревенскую жизнь.

В роли Люси, дочери Пелагеи, снималась Лариса Барабанова. Так вот и с ней Лидия Николаевна установила примерно те же отношения, что сложились у ее героини с дочерью. Однажды слышим, как она Ларису за что-то отчитывает, кричит, а потом едем со съемок в автобусе — молодая актриса прикорнула у Смирновой на плече, дремлет...

Что меня всегда поражало в работе со Смирновой — так это ее безусталь какая-то. А еще въедливость и невероятное упорство. Прибегает оператор, кричит: «Мне завтра пленку пробовать, подберите кого-нибудь из массовки». А Лидия Николаевна ему: «Почему кого-нибудь? Я буду сниматься». «Да зачем? Вы же устали». И так, и этак, но она стоит на своем: «Нет, я буду!» Такое вот упорство в работе. А еще мужество, да, именно мужество, другого я здесь слова не подберу, дальше будет понятно, почему я выбрал именно его.

Я, например, терпеть не могу, когда актеры смотрят материал со своим участием: вечное это «ну возьмите второй, возьмите пятый дубль...» Смирнова же смотрела абсолютно весь материал — так уж она решила. Приходила, садилась тихо в углу и смотрела. А смотреть на себя вот так, со стороны, когда роль еще только зачинается, еще только теплится, когда актер ведет себя словно впотьмах — для этого, действительно, надо иметь мужество. И немалое.

К тому же, чем дальше, тем все больше и больше стало накапливаться ощущение, что мы идем не по тому пути, отчего и роль по крупному счету не получается. И тогда все приходится «прокручивать» назад — к истокам, к первопричине. Вот пробуем мы костюм. О том, как Пелагея повязывает платок, мы со Смирновой говорили, когда съемки еще и не начинались. Все вещи актриса подбирала тщательно — и юбку, и блузку, и сапоги. Вот здесь-то и был первый подвох. Первоначально он был не замечен, а сейчас, как говорится, налицо. И что же мы видим? Сапоги подобраны точно по ноге, юбка и блузка идеально подогнаны по фигуре — там приталено, здесь заужено, платок повязан вроде бы по-деревенски, но в то же время как-то уж очень подчеркнута по-деревенски.

Там — капелюк, здесь — чуточку, гример, подбегающий к актрисе уже после команды «мотор», делает глаза чуть больше — и Пелагея отчетливо отстает перед Лидией Смирновой. Помню, нам надо было снять метра три-четыре пустой деревенской улицы, и мы ловили тот редкий момент, когда вокруг никого нет (актеры отсутствуют в кадре). И вдруг оператор кричит: «Да прогоните же вон ту девицу!» Кто-то бросился к ней, та поворачивается, смотрим, стоит Лидия Николаевна в накинутой на плечи телогрейке. А ведь никто не просил ее в тот день приходить на съемки!

И все она прекрасно понимала, с самого начала понимала, когда нашла и выбрала для себя рассказ «Заблудший», когда решила стать этой простой женщиной, согнутой несчастьями, с тяжелой судьбой. Все она понимала — и что это роль на преодоление, и что придется запрятать куда-то глубоко себя саму, и темперамент свой запрятать, и веселость, и искристость, и, наконец, яркую, бросающую внешность. Все понимала, а поделать ничего с собой не могла. Одна Смирнова боролась с другой Смирновой. И пока, как видно, та, прежняя Смирнова еще не сдавалась, не уступала, брала верх. Не так-то легко актрисе преодолеть себя.

И вот повезли мы материал в Москву на худсовет. Она на нем не присутствовала, но каким-то образом знала, чем все закончилось. После худсовета заезжает за мной на машине, а я этому, признаться, был не рад, нелегко вести такой разговор. Но она сама первой начала говорить, причем рассуждала как-то очень спокойно, по-деловому. Говорила, что надо делать и как перестраивать роль.

Когда мы вернулись в деревню, пошли в избу, где она жила. Мы часто собирались у нее там после съемок, голодные и уставшие, домашность какую-то она умела создавать необыкновенную. И тут, в этой теплой и уютной комнате, я, наконец, набрался мужества и сказал ей прямо: «Лидия Николаевна! Простите меня великодушно, но это — не Ваша роль! Вы чрезвычайно молоды для Пелагеи! Вы прекрасно все делаете, но это — не Ваше!»

Кажется, она плакала — не помню. Уж очень был тяжелый разговор (такой не часто бывает в нашей среде). А потом работа фактически началась заново. Наверно, главное происходило в самой Смирновой, внутри нее, и было неведомо никому, какие она проводила бессонные ночи в неотвязных мыслях и думах. Мы можем только представить это себе. Наверное, она снова и снова размышляла, кто такая ее Пелагея, чем и как она жила и что перестрадала. И что-то стало постепенно, почти незаметно меняться на съемочной площадке. Сначала изменился костюм — в нем появилась естественность, необязательность, неделанность. Это была не тщательно придуманная одежда деревенской женщины, но платье по многу лет ношенное, опрятное, вычиненное (еще дочери можно передать), такое, на которое не обращаешь внимание и надеваешь автоматически, когда утром встаешь на работу. Помню — снимаем мы сцену, когда на экране ничего не происходит: просто люди сидят и едят. Снимаем первый дубль, второй, третий. Поначалу Смирнова что-то подчеркнула — вытерла ли руки о передник, слишком внимательно посмотрела на то, сколько еще осталось в чугунке и можно ли дать добавки (жизнь скудная, каждая копейка на счету). Легкое актерство — и на экране видно, что роль «делается», причем достаточно тщательно. Снова дубль, я чувствую — как это трудно ей забыть, полностью забыть, что ты актриса и играешь деревенскую женщину. Еще дубль — и вот постепенно уходит, тает эта ее потусторонность по отношению к происходящему, сейчас она просто сидит и ест, сидит и кормит детей. Сидит и кормит семью. Просто усталый, голодный человек сидит и ест.

Из этих разговоров, придумок, мелочей, которые не ухватишь, не уследишь глазом, стала рождаться биография, роль стала обрастать атмосферой. В тот момент я видел, что Смирнова уже все знает про свою Пелагею, и то, что было до экрана, и то, что будет потом, после того, как вспыхнет надпись «конец фильма»

Уже был лютый холод, когда мы снимали сцену возвращения Евсея. У автора финал вообще не был написан. Как снимать, что снимать и как быть актерам в этом довольно-таки мелодраматическом эпизоде, — толком никто не знал. Пробуем и так, и этак. Один предлагает одно, другой — другое. Смирнова молчит. Стоит словно бы в стороне. Снимаем, что-то не получается. И вдруг актриса падает прямо на холодную землю и ревет, ревет как баба, страшно, горько — а мы стоим, растерянные. И снимать надо, и в то же время кто-то кричит: «Подстелить что-нибудь надо! Лидия Николаевна, простудитесь!» А она и не слышит, и не видит, и мы в этот момент для нее не существуем...

Трудно это все шло. Трудно и интересно. Случались, конечно, и рецидивы. То Смирнова наотрез отказывалась сниматься крупным планом (была, по ее мнению, не в форме), то никак не могла стоять спиной к кинокамере: тихо-тихо, незаметно-

незаметно поворачивалась в четверть или в пол-оборота.

Так шла наша совместная работа. Мы отсняли натуру и перешли в павильон. И вот наступил эпизод, где, как мне кажется, наконец, и произошло самое главное — Смирнова победила Смирнову.

Нужно было снимать воспоминания Пелагеи — дочь спрашивает у нее, как ушел отец и почему, и она начинает вспоминать. В сценарии здесь были наплывы за наплывами — в общем, сплошные иллюстрации. Наконец, придумалось так — дочь встает посреди ночи, видит, матери нет. Выходит, а Пелагея сидит возле дома. Здесь она и начинает рассказывать о своих отношениях с Евсеём.

Но рассказа в сценарии не было. Не было текста. И вот сидим мы с Лидией Николаевной и снова говорим о Пелагее. Вернее, она говорит, а я слушаю. Как же это происходило? Как Евсей отдалялся от семьи, отходил, становился чужим? Как два человека, прожившие жизнь и бывшие как будто одним целым, начинают отдаляться друг от друга, словно две половины треснувшей льдины? А черная вода между ними все темней и темней, и все труднее представить, что эти двое были когда-то единым целым. Она говорит — сначала о Пелагее, а потом в какой-то момент я уже слышу, что заговорила сама Пелагея. Начинаю понимать, как трудно и горько ей было. Время после войны тяжелое, забот все больше и больше, и больше ссор и обид — и дети не накормлены, и кто виноват, а Евсей пить стал и дома бывал все реже, и вроде возвращаться ему не хочется, одна горечь, одни углы обшарпанные, да рты голодные, да жена постаревшая... И так далее...

Говорит, говорит, а я слушаю и вижу все это перед собой. Вот так иногда бывает — поймал заветную птицу, в руках держишь, а она трепещет, вот-вот улетит. Надо спешить. Встаю: «Лидия Николаевна, завтра снимаем. Вторая смена. Текст — Ваш!» И сняли. По тексту актрисы. Вот так Смирнова и стала Пелагеей. Одним словом, Смирнова победила Смирнову.